

Год издания I-II.

Выходит 4 раза в год

ГРАНИ

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА
И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Под редакцией

Е. РОМАНОВА, Б. СЕРАФИМОВА И С. МАКСИМОВА

№ 1
ИЮЛЬ
1946

„ПОСЕВ“

ВМЕСТО ПРОГРАММНОЙ СТАТЬИ

Обычно принято открывать новый журнал программной статьей, — своего рода векселем, который выдает редакция читателям. Мы отступаем от этого правила. Отступаем не потому, что у нас нет программы, не потому, что нам не ясны цели, к которым мы стремимся, не потому, что боимся выдать вексель без достаточного обеспечения. Нет, мы твердо знаем, чего мы хотим, куда надо идти. У нас есть неисчерпаемый золотой запас полновесной звонкой монеты. Но мы, к сожалению, еще не знаем, когда сможем оплатить выдаваемый вексель, когда на открытом литературном рынке получит право хождения Слово Правды. Мы верим, что это будет, и будет скоро, но от выдачи векселя воздерживаемся, дабы не быть обвиненными в банкротстве. Однако, это не значит, что мы наглухо закроем сундуки с нашим золотым запасом. Наоборот, мы будем всегда держать их открытыми, наготове, чтобы при каждом удобном случае бросить пригоршню монет на литературный прилавок. И знаем, что их звон будет услышан всеми теми, о ком сказано: «имеющий уши да слышит». Такое положение, в настоящей обстановке, даст нам полное творческое удовлетворение.

На этом, собственно говоря, можно было бы и закончить наше обращение к читателям, но последнее время нам часто приходилось слышать один и тот же вопрос: почему вы выбрали для журнала такое название? Мы не беремся ответить на него прямо, но хотели бы поделиться с читателями, по этому поводу, некоторыми мыслями.

* * *

«Есть грань в душе...»

Забывтая книга забытого автора.

Когда то наши прабабушки с волнением перелистывали ее страницы, вместе с героиней страдали, ужасались коварству злодеев и обожали молодого белокурого красавца-героя. И, погасив свечи, долго еще не смыкали глаз, находясь во власти грез, навеванных романом.

Многое изменилось с тех пор, к худшему, к лучшему — сказать трудно. И герои этих старинных романов кажутся нам сегодня картонными, страсти их — бесцветными, страдания — безбольными, слезы — пресными, ужасы — нестрашными. Как на картине ремесленника, — на ней останавливался взгляд тогда, когда краски еще были свежи, а теперь, когда краски поблекли — безразлично скользит мимо.

Такова судьба каждого литературного произведения, если его автор только скользил по поверхности современной ему жизни, не пытаясь проникнуть в ее глубины; угождал вкусам «владык» и «черни», отказываясь от художественной правды; служил земным кумирам, ложным и преходящим, а не Вечному; если он был ремесленником, а не творцом.

Но настоящий талант, втиснутый в эти убогие рамки, неизбежно вырвется из них и тогда яркие краски вдруг заиграют на его палитре и он запечатлел незабываемые образы; но миг проходит, ремесленник побеждает художника, услужливость — служение, и навсегда запечатленная яркость теряется в сплошной серости остальных страниц.

Такие книги трудно читать. Современные — досадно, а старые — скучно. И когда приходится делать это по необходимости, то как радостно находить страницы, на которых запечатлен этот момент творческой свободы таланта.

.....

„В кабинете был полумрак. Тяжелые бархатные портьеры, низко склонившиеся к окнам густые ветви, казалось, надежно защищали комнату от яркого света заходящего солнца. Но какой-то упрямый луч пробился сквозь листву, проник в шелку портьеры и потонул в старинной хрустальной вазе, стоявшей на столе с букетом темно-красных, почти черных, роз. И мгновенно зажглись радужными огнями ее грани, расцвелись непередаваемыми красками. И яркость этих граней оттеняли другие, тусклые, не облаканные лучом, казалось, потемневшие от этого, грани.